

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

III ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНГРЕСС ФОЛЬКЛОРИСТОВ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

РОССИЙСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА В XXI ВЕКЕ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сборник научных статей

Москва
2019

УДК 398
ББК 82.3 + 85.318
Т665

*Издание осуществлено при содействии
Государственного Российского Дома народного творчества
имени В. Д. Поленова*

Автор идеи Конгресса — А. С. КАРГИН

Редакционная коллегия:

М. В. АХМЕТОВА, В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, Е. А. ДОРОХОВА,
А. Б. ИППОЛИТОВА, Н. Е. КОТЕЛЬНИКОВА, А. Г. КУЛЕШОВ

Составители: В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, А. Б. ИППОЛИТОВА

Редактор: А. В. ЛОБАНОВА

Т665 **III Всероссийский конгресс фольклористов** (Москва, 3–7 февраля 2014 г.): Сб. науч. ст. В 5 т. **Т. 4: Российская фольклористика в XXI веке. Перспективы развития** / сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова; ред. А. В. Лобанова. — М., 2019. — 544 с., илл.

ISBN 978-5-4465-2115-9

В четвертый том материалов III Всероссийского конгресса фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.) вошли статьи на основе докладов, прочитанных на секциях Конгресса российскими и зарубежными исследователями. В томе рассматриваются вопросы, связанные с изучением несказочной прозы, магических практик, локальных традиций, традиционной культуры в условиях межэтнических контактов, а также взаимодействие фольклора с авторским творчеством и пограничными формами искусства.

Издание предназначено для специалистов в области фольклора и традиционной культуры, а также для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4465-2115-9 (т. 4)
ISBN 978-5-86132-127-3

УДК 398
ББК 82.3 + 85.318
Т665

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 8–10

Вопросы изучения фольклорной несказочной прозы

- В. А. ЧЕРВАНЕВА** (*Москва*)
Типы рассказчика в мифологическом нарративе 12–22
- Н. К. КОЗЛОВА** (*Омск*)
Исследовательские возможности указателя мотивов
мифологической темы (на примере первого мотива
темы «мифический любовник») 23–32
- Л. Х. ДАВЛЕТШИНА** (*Казань*)
О перевоплощениях духов-хозяев домашнего пространства
(на материале татар Заказанья начала XXI века) 33–41
- Э. В. ТОДУА** (*Сухум, Абхазия*)
О современном бытовании абхазских быличек и бывальщин 42–50
- О. Н. ТЕРЕНТЬЕВА** (*Чебоксары*)
Образ клада в русской и чувашской сказочной прозе 51–58
- А. А. ГОНЧАРОВА** (*Петропавловск-Камчатский*)
Отражение культа медведя в обрядах
и мифологической прозе народов Камчатки: сюжеты, мотивы, семантика 59–69
- Л. И. ИВАНОВА** (*Петрозаводск*)
Понятия лемби и Лемпи в карельской мифологии 70–80
- Н. А. ЗИНЕВИЧ, Т. С. СТОРОЖКО** (*Киев, Украина*)
Былички цыган украинско-российского пограничья
как объект изучения фольклористики 81–89
- З. М. БРУСЬКО** (*Казань*)
Сновидения в системе традиционного мировоззрения татар 90–96
- К. А. КЛИМОВА** (*Москва*)
«Темница Сократа» и «дворец святой Пенелопы»:
новогреческие народные исторические топонимические легенды 97–104

Е. М. БОГАНЕВА (<i>Минск, Беларусь</i>) Редкие и единичные современные фиксации космогонических и антропогонических этиологий белорусов в славянском и инославянском контексте	105–115
А. Д. ЦВЕТКОВА (<i>Павлодар, Казахстан</i>) Предания и рассказы-воспоминания из старообрядческих сел Восточного Казахстана в современных записях	116–127
В. П. ФЕДОРОВА (<i>Курган</i>) Хронотоп в крестьянских рассказах о раскулачивании (с. Вознесенское Курганской области)	128–137
И. Ю. ВАСИЛЬЕВ (<i>Краснодар</i>) Кубанский колхоз эпохи застоя: сельская повседневность в рассказах очевидцев	138–153
Д. ЧУБАЛЯ (<i>Бельско-Бяла, Польша</i>) Польские городские легенды вокруг смоленской авиакатастрофы	154–164

МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Л. Н. ВИНОГРАДОВА (<i>Москва</i>) Толковательные модели фольклорных образов и мотивов как прогностических знаков (на материале подблюдных песен)	166–177
С. В. КАЛИНИНА (<i>Красноярск</i>) Магия в быту славянского населения Красноярского края в XX веке (на материалах мифологической прозы, заговоров и примет).....	178–189
В. П. МИРОНОВА (<i>Петрозаводск</i>) Девичьи гадания как элемент досвадебной обрядности карелов.....	190–198
Е. В. ФЕДОТОВА (<i>Чебоксары</i>) Чувашские народные заговоры: современное состояние.....	199–207
В. А. МОСКВИНА (<i>Омск</i>) Заговоры от змей в сибирской фольклорной традиции.....	208–214
Ю. И. КОВЫШИНА (<i>Петрозаводск</i>) Интонирование заговоров и заклинаний: этномузыкологические аспекты (ритуальной) коммуникации	215–226

Фольклор: общее знание, общее чувство, общее место

- С. Б. АДОНЫЕВА (*Санкт-Петербург*)
Фольклорная форма и общее чувство..... 228–233
- В. А. ПОЗДЕЕВ (*Киров*)
Психические состояния и эмоции,
выраженные в фольклорных текстах,
как проблема психофольклористики..... 234–242
- В. Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ (*Москва*)
Роль личности и функции жанра в фольклоре
(на материалах записей сказок конца XX — начала XXI вв.)..... 243–263
- И. С. ВЕСЕЛОВА (*Санкт-Петербург*)
Геометрический орнамент Палашельской росписи:
таблица справедливого деления..... 264–272

Фольклор и пограничные/маргинальные формы искусства

- Н. А. МУСЯНКОВА (*Москва*)
Образы вождей и героев в творчестве Лёни Пурьгина (1951–1995)..... 274–282
- Л. В. ФАДЕЕВА (*Москва*)
О визуальных основах одного фольклорного мотива. *Гробница в храме*..... 283–298
- Е. Э. ГАВРИЛЯЧЕНКО (*Москва*)
Фольклор и социопроектирование..... 299–311
- Н. Ю. ДАНЧЕНКОВА (*Москва*)
Бард-рок и поэтика сказки: певец-сказочник Веня Д'ркин..... 312–331
- Н. И. ЖУЛАНОВА (*Москва*)
Традиционные музыканты в эпоху перемен:
новые модусы самореализации..... 332–344

ФОЛЬКЛОР И АВТОРСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

- С. В. АЛПАТОВ (*Москва*)
Пословицы и поговорки в структуре гадательных книг XVIII века..... 346–356
- Н. Г. ГОЛАНТ (*Санкт-Петербург*)
Легенда о мартовской старухе
и ее переработки в румынской литературе 357–368
- А. Х. ГОЛЬДЕНБЕРГ, С. Н. ПЕТРЕНКО (*Волгоград*)
Поэтика страшного в детском фольклоре и современной литературе 369–376
- Н. З. КОКОВИНА (*Курск*)
«Без этого было бы как-то беспаятно и пусто...»
(Сказовое начало в произведениях Е. И. Носова) 377–383
- В. В. КУЗНЕЦОВ (*Торжок*)
Сказание о Юрии Святославиче и Иулиании Вяземской:
летописные, фольклорные и авторские версии 384–394
- А. В. КУЛАГИН (*Коломна*)
Визбор и фольклор: к постановке проблемы 395–402
- Е. А. ПЛОТНИКОВА (*Йошкар-Ола*)
Новые тенденции в литературном фольклоризме
(на материале сказочного творчества Л. С. Петрушевской)..... 403–412

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

- В. Г. БОЛДЫРЕВА (*Ижевск*)
Опыт исследования традиций
позднепереселенческих групп русского населения
на территории Удмуртии..... 414–419
- А. Б. АСЕНОВА (*Кокшетау, Казахстан*)
Русский фольклор Акмолинской области..... 420–438
- З. Д. ДЖАПУА (*Сухум, Абхазия*)
Фольклорное знание абхазской диаспоры Турции:
история и практика полевых исследований 439–457
- С. Г. РЗАЕВ (*Баку, Азербайджан*)
Азербайджанский эпос:
проблемы изучения и современного бытования..... 458–464

ЛОКАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ

М. Г. МАТЛИН (<i>Ульяновск</i>) Ложный свадебный персонаж в русском традиционном свадебном обряде.....	466–477
А. А. ПЛОТНИКОВА (<i>Москва</i>) Фольклорная традиция в процессе адаптации (славянские островные ареалы).....	478–484
Е. А. САМОДЕЛОВА (<i>Москва</i>) Оригинальные свадебные обычаи в Рязанской губернии / области.....	485–505
Е. Ф. ЮГАЙ (<i>Москва</i>) Метафорический уровень причитаний и его проявление в сильных элементах текста.....	506–517
Е. Е. ЛЕВКИЕВСКАЯ (<i>Москва</i>) Украинские анклавы на территории России: к проблеме исследования локальных традиций	518–530
Е. В. МИНЁНОК (<i>Москва</i>) Динамика фольклорных традиций в «украинских» и «белорусских» переселенческих селах Восточной Сибири	531–537
Сведения об авторах	538–543

В. Г. Болдырева (Ижевск)

Опыт исследования традиций позднепереселенческих групп русского населения на территории Удмуртии

Настоящая работа посвящена изучению русских народно-песенных традиций Камско-Вятского междуречья (территория современной Удмуртии). В рамках исследования нас интересует не вся территория, а земли среднего течения реки Камы.

Это один из полиэтнических регионов России, на его территории проживают более чем 100 народов и этнических групп. С древнейших времен он являлся зоной этнокультурных контактов различных групп населения. Удмурты, представляющие на ранних этапах основную массу жителей, контактировали на юге с тюркским миром, на западе — со своими ближайшими родственниками по языку и культуре — коми-зырянами и коми-пермяками, на востоке — с обскими уграми. Более интенсивным этнокультурное взаимодействие становится с началом заселения и хозяйственного освоения этой территории представителями других этнических групп, среди которых ведущее место принадлежит русскому населению [Гришкина, Берестова 2006, 3].

Анализ материалов известных археологических объектов и данные письменных источников указывает на три волны русских миграционных потоков.

После присоединения в 1489 г. Вятской земли к Московскому великому княжеству и завоевания Казанского ханства в 1552 г. русские начали осваивать побережье Камы в среднем ее течении — Среднее Прикамье. Приток русского этноса шел одновременно с двух сторон: с верховьев Камы (из Перми Великой) и с Вятской земли. К началу XVII в. сформировался уже целый район, сосредоточивший в себе русское население; центром его стал Сарапул — своеобразные «южные ворота» русской колонизации.

К концу XVII в. русские в Прикамье стали расселяться *значительно шире* (выделение наше. — В. Б.), заселяя район Сивы — одного из правых притоков Камы. По местам выхода это были жители разных дворцовых волостей Казанского и Уфимского уездов, Сибирской, Архангельской и Нижегородской губерний [Гришкина, Берестова 2006, 36].

В XVIII в. русское крестьянство начало осваивать уже и традиционно удмуртские территории, а также земли, дотоле пустовавшие. Колонизация исподволь вела к формированию этнической череполосицы, которая стала свойственна удмуртским уездам в первой половине XIX в. [Гришкина, Берестова 2006, 45].

Таким образом, есть три зоны русского расселения на территории Среднего Прикамья, сформированные в разное время: *сарапульская* (XVI—XVII вв.),

воткинская (XVII—XVIII вв.) и условно названная нами *вятская* зона чересполосного проживания русских в традиционно удмуртских районах (конец XVIII — начало XIX вв).

Перечисленные выше исторические процессы обусловили неоднородность традиционной культуры русских Среднего Прикамья, что подтверждают исследования музыкально-этнографического материала, собранного студентами и преподавателями РМК (Республиканского музыкального колледжа) и УдГУ (Удмуртского государственного университета) за последние 30 лет.

Проследим на примере *свадебного обряда* и его музыкального наполнения, в чем совпадает и чем различается традиция в выделенных зонах.

Русская свадьба среднего течения Камы складывалась как многоставное явление, интегрирующее разнородные элементы. Дело в том, что, как и в других областях позднего расселения русских (Среднее и Нижнее Поволжье, Урал, Сибирь), переселенческая традиция Среднего Прикамья вмещает несколько изначальных, локальные особенности которых сгладились (или законсервировались) в результате длительных контактов.

По имеющимся данным, свадьба представляла собой развернутое действо, начинающееся со сватовства и заканчивающееся *вождением невесты по новой родне*. В драматургии ритуала развиваются две линии — инициационная, сопутствующая вступлению девушки в половозрастную группу молодых женщин, и линия ее территориального перехода, с которой связан план контактов двух родов.

При соблюдении общей драматургии некоторые действия свадьбы в локальных версиях обряда могут отсутствовать, менять порядок или совмещаться. Также свадебный обряд Среднего Прикамья модифицируется: это мы видим в изменениях его темпорального, предметного и персонажного кодов.

Анализируя коды, мы приходим к выводу, что в *сарапульской традиции* доминирует контактно-коммуникативная линия. Обряд очень четко сформирован и устойчиво повторяется во всех локальных версиях. В *воткинской традиции* усилена линия инициации невесты. *Вятская традиция* (замеры на этой территории взяты точно) демонстрирует нам существование нескольких свадебных комплексов, различающихся с сарапульскими и воткинскими.

Данные этнографического порядка подтверждаются и записанными образцами песенного фольклора. Сохранность текстов свадебных песен проявляется на исследуемой территории по-разному. Наиболее полные, цельные версии получены в селах, находящихся вдали от магистралей и крупных населенных пунктов. Многое зависит и от степени талантливости исполнителя. Необходимо подчеркнуть, что знающим свадебные песни носителям и носительницам традиции сейчас далеко за 80 лет.

В сарапульской традиции фиксируется устойчивый песенный комплекс, обслуживающий ядро свадебного обряда.

На других территориях песнями наполняли практически весь свадебный обряд. Так, у исполнителей с. Кварса Воткинского района сохранились воспоминания, что начинали петь песни «уже на *пропихушках* и так до конца свадьбы».

Народные исполнители дифференцируют песни на *величальные* и *тут плачут*, у них присутствует принятое в науке разделение жанров свадеб-

Таблица 1. Неравномерно сегментированные формы

Ритмический тип	Форма стиха	Композиционная единица поэтического текста	Музыкально-ритмическая форма
РТ 3.1	5 ₆ +4 ₃	ab,b	Что у ты сяч-ко- го да бо -род -ка , да бо-род - ка.
РТ 3.2	5 ₆₋₉ +4 ₃	ab,b	И-ще ся-ла на-ша Лю-доч-ка вы-ше всех, вы-ше всех.
РТ 4.1	4 ₅₋₇ +5 ₄₋₇	AB	Не бы-ло вет- ров Не бы-ло вет-ров вдруг на-вя-ну-ли вдруг на-вя- ну-ли
РТ 4.2	4 ₅₋₇ +5 ₄₋₇	AB	Не бы-ло вет- ру, не бы- ло вет-ру на- ду- ну- ло, вдруг на- ду- ну- ло
РТ 4.3	4 ₅₋₇ +5 ₄₋₇	AB	Ой, не бы-ло вет-ров, ой, не бы -ло вет- ров, вдруг на-ве- я- ли,вдруг на- ве- я- ли .

ных песен на две группы: прощальные песни (термин Гиппиуса) и величания (к последним примыкают так называемые *комментирующие* песни, характерные для традиции Среднего Прикамья).

Песенные *тексты* косвенно свидетельствуют о местах выхода миграционных потоков на территорию Среднего Прикамья, поскольку можно констатировать присутствие текстов как традиционно северорусских («Не было ветров», «Как по сениям, по сеничкам»), так и стабильно фиксируемых в Средней и Южной России: «Во саду ли виноград растет», «На ком кудерцы», «Долина, долинушка» и др.

В *метрике* свадебных песен представлены три основные формы народного стихосложения (тонический, силлабический и сегментированный силлабический размеры) — все они в традиции Среднего Прикамья имеют ряд осо-

Таблица 3. Цезурированная форма (сарапульская традиция)

Ритмический тип	Форма стиха	Композиционная единица поэтического текста	Музыкально-ритмическая форма
РТ 1	2.3.2	A	Я не вый-ду, я не выс-туп-лю.
РТ 2	2.3 ₄ .2	A	При-сту-пись ро-ди... ма-я ма - монь-ка.

Таблица 2. Равномерно сегментированные формы

Ритмический тип	Форма стиха	Композиционная единица поэтического текста	Музыкально-ритмическая форма
РТ 5	5+5	ab; rb	На ком платье-и-со, на ком свет-ло-е. Ай лю-ли, лю-ли, на ком свет-ло-е.

бенностей, в основном продиктованных закономерностями музыкального порядка.

По доле участия в ритуале и степени выраженности в традиции мы подразделяем свадебные песни на две группы. Первую составляют песни с групповым прикреплением поэтических текстов, обязательных для свадебного обряда. Это пять напевов, соответствующих пяти основным ритмическим типам (далее — РТ) традиции.

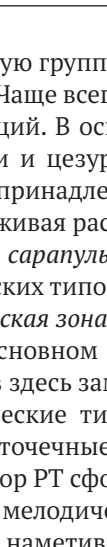
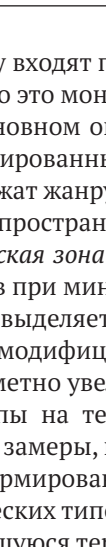
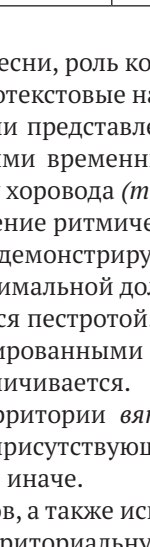
Первые два РТ принадлежат к классу *неравномерно сегментированных форм*, стойко проявляющихся на исследованной территории. В процентном соотношении они составляют 29% от общего числа свадебных песен (табл. 1).

Третий и четвертый РТ представляют класс *равномерно сегментированных форм*. Песни данных типов доминируют в традиции: их 51%. Равномерно сегментированные формы имеют ряд модификаций — например, четыре у четвертого РТ особой композиции «Не было ветров» (табл. 2; примеры даны только на часть этой группы). Рассмотрение названных форм, кроме всего прочего, выводит нас на понимание основных принципов того, как складывалась песенная традиция Среднего Прикамья.

Пятый РТ — цезурированная форма в координации со стихом 5 + 5; включается в обязательный набор песен сарапульской традиции и представлена двумя песенными текстами: «На ком платье» и «На ком кудерцы» (табл. 3).

Песенные причеты, в воткинской и вятской традициях политекстовые, в сарапульской имеют вид лишь короткой всплочки «Я не выйду, не выступлю» (табл. 4).

Таблица 4. Песенные причеты (сарапульская традиция)

Ритмический тип	Форма стиха	Композиционная единица поэтического текста	Музыкально-ритмическая форма
РТ 1	5+5; 5+6	AR	Кто у нас хо-ро-ший, кто у нас при-го-жий Ро - зан мой, ро-зан, ви-ног-рад зе-лё-ный
РТ 2	4+3+3	AB	Во го-рен-ке во но – вой, во но – вой, Сто-ял сто-лик кед-ро-вой, кед-ро-вой.
РТ 3	7 _{6,8} +7 _{6,8}	ab; rb	До-ли-на до-ли-ну-ша, раз-доль-е ши-ро-ко-е Ай, ли, ай лю-ли, раз-доль-е ши-ро-ко-е
РТ 4	(5-7)+(5-7)	ab; cc	8 ♪ + 8 ♪ Как у ча - роч - ки, у се-реб - ря - но-ю Зо-лот че-ре-шо - чек, зо-лот че-ре-шо - чек

Во вторую группу входят песни, роль которых в свадебном обряде менее значительна. Чаще всего это монотекстовые напевы, характерные для отдельно взятых традиций. В основном они представлены цезурированными ритмическими типами и цезурированными временниками, которые в подавляющем большинстве принадлежат жанру хоровода (табл. 5).

Проследивая распространение ритмических типов традиции, мы можем отметить, что *сарапульская зона* демонстрирует повторяющийся набор основных ритмических типов при минимальной доле периферийных.

Воткинская зона выделяется пестротой. Основные песенные типы представлены в основном модифицированными моделями, вкрапление периферийных типов здесь заметно увеличивается.

Ритмические типы на территории *вятской зоны* еще предстоит изучить, но даже точечные замеры, присутствующие на карте, позволяют говорить о том, что набор РТ сформирован иначе.

Анализ мелодических типов, а также исполнительских традиций в целом подтверждает наметившуюся территориальную дифференциацию традиций.

На основании изложенного выше можно сделать несколько выводов.

В *сарапульской зоне* обнаруживают определенное единство драматургия свадебного обряда, содержание вербальных текстов свадебных песен, их поэтика, а также структура и корпус обрядовых напевов. Можно говорить о том, что в результате интегративно-консолидационных процессов сформировалась

Таблица 5. Монотекстовые напевы

Ритмический тип	Форма стиха	Композиционная единица поэтического текста	Музыкально-ритмическая форма
РТ 1	2.2.2	AB	Вы-во-дил су-дарь ба-гюш-ка За пра-ву-ю за ру-чень-ку
РТ 2	2.3.2	AB	От-ста-ва-ла ле-бедь бе-ла-я, Что от ста-да ле-бе-ди-но-го

новая этнокультурная общность, черты которой имеют аналоги как в северорусской, так и в средне- и южнорусской зонах.

Территория *воткинского куста* была заселена русскими почти на два века позднее, что не позволило (по закономерностям общего порядка) сформироваться цельной свадебной традиции.

В районах, освоенных в конце XVIII — начале XIX вв., мы наблюдаем существование узколокальных песенных типов, свидетельствующих о консервации традиции. При этом мы предполагаем, что стабилизирующим фактором в этом процессе оказалось воздействие финно-угорской среды на русскую фольклорную традицию: она лучше сохраняется у живущих на пограничьи; кроме того, иногда некоторые фольклорные явления, исчезнув у русских, продолжают бытовать у удмуртов.

Предлагаемые в настоящей работе границы традиций условны. Уже сейчас благодаря публикациям («Куединская свадьба» Елены Борисовны Вершининой и «Свадебные песни Перми Великой» Надежды Николаевны Терехиной) мы знаем, что выявленный нами песенный комплекс русской свадьбы полностью или частично присутствует на землях, расположенных как в непосредственной близости к этим границам, так и на более или менее значительном расстоянии от них.

Возможно, что, изучив ареалы распространения этого комплекса на сопредельных землях, мы сможем уточнить, кроме всего прочего, и данные по истории заселения края русскими.

ЛИТЕРАТУРА

Гришкина, Берестова 2006 — Гришкина М. В., Берестова Е. М. Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XVI — первой половине XVIII века. Ижевск, 2006.